

сличением буквы за буквой печатного текста с подлинником, во-вторых, как бы мы ни расценивали степень точности мусин-пушкинского издания, мы все же должны ограничить категоричность утверждения Карамзина, принимая в расчет бесспорные ошибки издания, в-третьих, наконец, в предисловии мусин-пушкинского издания ничего не сказано о том, что это издание в точности воспроизводит оригинал, что с гораздо меньшим основанием оговорено, как мы уже знаем, при издании Мусиным-Пушкиным „Поучения“ Мономаха.

Вскоре после гибели рукописи „Слова“ Тимковский просил Калайдовича попытаться у Мусина-Пушкина, между прочим, о том, „верно ли напечатана рукопись и не сделано ли каких перемен, ибо замечено, что в ней не соблюдено правописания, как поступили издатели при знаках препинания, почему слово Олег поставлено в скобках и другие“.¹ Нужно думать, что Калайдович запросил обо всем этом Мусина-Пушкина, но у нас нет никаких сведений о том, чтобы Мусин-Пушкин ответил на эти вопросы.

Всем сказанным мы отнюдь не хотим снизить качества мусин-пушкинской публикации „Слова“; для своего времени, при тогдашнем состоянии палеографической практики, публикация была выполнена на том уровне, какого возможно было требовать от издания, подготовленного в конце XVIII в.

Мусин-пушкинское издание текста „Слова“ поставило себе задачей, видимо, не столько точное воспроизведение орфографии рукописи, сколько точную, как казалось издателям, передачу написаний рукописи, не пытаясь вводить в издаваемый текст каких бы то ни было осмысляющих его конъектур. В этом отношении издатели следовали установившейся в XVIII в. традиции издания старинных русских памятников, подкрепленной авторитетом Шлецера, — издателя Никоновской летописи. И не только на первых порах, но и позднее ряд последующих издателей текста „Слова“ придерживались этой традиции, точно воспроизводя мусин-пушкинский текст и лишь в пояснительных комментариях к нему предлагая те или иные поправки, начало которых положил еще Карамзин.

Так поступали Шишков (1805 г.), Пожарский (1819 г.), Вельтман (1-е издание 1833 г.), Дубенский (1844 г.), Буслаев (1861 г.). Впервые смело, хотя и большей частью неудачно нарушил эту традицию Грамматин (1821—1823 гг.), вводя в самый текст „Слова“ несколько вполне оправданных конъектур, большей частью предложенных его предшественниками, и засорив текст многочисленными самостоятельными неудачными исправлениями, обнаружившими его плохое знание древнерусского языка и старинной русской орфографии. Он же первый предложил две небольшие перестановки в тексте в пределах двух фраз мусин-пушкинского издания.

Там же.